

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и внукъ дикой
Тунгузъ, и другъ степенъ Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждаю,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,

И милость къ падшимъ призываю.

Велѣнью Божию, о Муза, будь послушна!

Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;

Хвалу и клевету приѣми равнодушно

И не оспаривай глупца.

Приведенныя произведенія Державина, какъ образцы его одъ, даютъ возможность сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно особеннаго характера поэзіи Державина.

Державина называли и теперь называютъ „пѣвцомъ Екатерины“, „пѣвцомъ Фелицы“. Дѣйствительно большая часть его лучшихъ одъ посвящена изображенію какъ самой Екатерины, такъ и блестящихъ подвиговъ ея царствованія. Державинъ самъ какъ бы считалъ своею задачею провозглашать дѣла великой Императрицы. Такъ, заканчивая свою оду: „Видѣніе Мурзы“, онъ говоритъ:

Какъ солнце, какъ луну поставлю

Твой образъ будущимъ вѣкамъ;

Превознесу тебя, прославлю,

Тобой безсмертенъ буду самъ.

Въ другомъ своемъ стихотвореніи: „Памятникъ“ Державинъ говоритъ, что онъ возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы.

Преобладающею формою произведеній Державина служила ода. Оды писалъ и Ломоносовъ; но исполнѣ-ли таковы же оды Державина, и нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь такого, что кладетъ замѣтное различіе между произведеніями этого рода двухъ писателей, слѣдовавшихъ по времени другъ за другомъ? — Изъ біографіи Державина мы знаемъ, что онъ, долгое время тщетно усиливаясь подражать Ломоносову, вышелъ наконецъ на самостоятельную литературную дорогу и сталъ писать въ новомъ родѣ, т. е. въ родѣ особомъ, нежели тотъ, въ которомъ писалъ Ломо-